

В.Г. ФЕДОТОВА

УСПЕШНЫЕ УРОКИ МОДЕРНИЗАЦИИ: КАК ПРЕВРАТИТЬ СЛАБОСТЬ В СИЛУ

Конкретные примеры успешных модернизаций в странах, от которых этого никто не ожидал, странах, сумевших найти пути и способы превратить свою слабость в силу, – самые волнующие, захватывающие истории человечества. О трех из них эта статья.

Осуществить мечту

В 2011 г. я побывала в Сингапуре. Эта страна поразила меня. Комфортный самолет, хорошая еда в экономическом классе, выбор из двух вариантов меню, аэропорт, один из лучших в мире и в архитектурном отношении, и, думаю, лучший из виденных мною по обслуживанию пассажиров. Таксист выступил в раннее утро прилета как гид, объяснив, что его должность доступна только уроженцам Сингапура, что таксисты представляют его страну. Порядок в отеле, правда, шумно. Китайцы громко говорят. Полная безопасность. Я спокойно гуляла ночью, когда спадала жара. Отсутствие эйджизма и сексизма. Молодежь и пожилые мирно, дружески общаются. Любезность продавцов. Навесы и галереи, спасающие в сезон дождей. И главное, что особо поражает, – расовый, этнический мир. Населяющие страну китайцы (более 70% населения), следующие за ними по численности малайцы (мусульмане) и индийцы (индуисты) живут абсолютно дружно благодаря рабочему английскому языку, законодательству и выстроенным в борьбе с прежде ужасающими расовыми и этническими конфликтами

ценностям этнического мира. Сингапур вышел из состава Малайзии, где преобладало мусульманское население, но сумел воспитать своих граждан в духе уважения ко всем этносам своей страны. В один из дней моего пребывания был национальный праздник – большие скидки в магазинах, выходной день, наряженные улицы. В «маленькой Индии» – районе Сингапура – улицы украшены цветами и цветочными арками, развешанными над дорогой. Когда же я спросила, какой именно сегодня государственный праздник, то была поражена, услышав, что это праздник исламской малайской общины. В городе много специальных столовых, в которых всегда есть китайская, малайская и индийская еда. В больших магазинах на разных этажах – рестораны, столовые и буфеты с еще большим разнообразием – добавляются корейская, японская, вьетнамская, индонезийская кухни. Помимо этнического мира, Сингапур сегодня в дружбе со странами, с которыми у него были напряженные или враждебные отношения, – с Малайзией и Индонезией. На вершине холма в Сингапуре открывается вид как на сам Сингапур, на его жилые районы, так и на лежащую внизу справа Малайзию и чуть левее – Индонезию позади водной глади. В этом районе не бывает штормов, а только дожди в определенный сезон. Небоскребы. Социальное жилье и выработанная политика приватизации, предприятия высокой технологии, супермаркеты, университеты. Метро – это почти дворцы. На некоторых станциях – идеально чистые туалетные комнаты. И везде чисто. Потоки хороших машин (в Сингапуре требуется менять машины раз в десять лет), высокие скорости, развязки, светофоры – все удобно и понятно, хотя движение левостороннее и для нас непривычное. Зеленые улицы, парки, цветы. Трудно представить, что эта пышная зелень – результат озеленения. Въезд в Сингапур упрощен – провизы. Запрещен под угрозой смертной казни ввоз наркотиков, а также не разрешено использование жвачек. Однако полицейские на улицах встречаются абсолютно редко, и возникающее из-за «жвачек» ощущение едва ли ни диктатуры не подтверждается увиденным.

А первый премьер-министр независимого Сингапура, вышедшего из состава Малайзии, не готовой иметь столько китайского населения, Ли Куан Ю рассказывает в своей книге «Сингапурская история: 1965–2000. Из третьего мира – в первый» [Ли Куан Ю, 2010] о том, какие проблемы преодолела страна и

какие решения ему приходилось принимать. Ли Куан Ю не был теоретиком и даже презрительно относился к теории. Но он в высшей степени образованный человек, как и все его министры. Окончил Кембридж. Много читал. Обменивался книгами со своими министрами. Его идея сделать отделившуюся от Малайзии страну «третьего мира» – Сингапур – страной «первого мира» была мечтой, которой он посвятил жизнь, лавируя между амбициями этносов, притязаниями соседей, классовыми конфликтами и отношениями со странами Запада. Безусловно, переход из «третьего» мира в «первый» может быть назван модернизацией, даже если он осуществляется впервые и не попадает ни под одну из теорий модернизации. Г. Киссинджер в предисловии к книге Ли Куан Ю написал: «Будучи самой маленькой страной в Юго-Восточной Азии, Сингапур казался просто созданным для того, чтобы стать государством, зависевшим от более мощных соседей, даже если бы ему вообще удалось сохранить свою независимость... Каждое большое достижение, прежде чем оно осуществится, – это просто мечта, а он (Ли Куан Ю. – *В.Ф.*) мечтал о государстве, которое не просто выживет, но и превзойдет другие страны. Недостаток ресурсов должен был компенсироваться превосходством в интеллекте, дисциплине, изобретательности. Ли Куан Ю призвал соотечественников сделать то, что они прежде никогда не считали своей обязанностью: сначала очистить свой город, а затем, преодолев исконную вражду к соседям и собственные этнические разногласия, показать всем пример превосходной работы. Сегодняшний Сингапур – воплощение его мечты» [Ли Куан Ю, 2010, с. 3]. Направляющей всех решений была перспектива нового государства – Сингапура, к которой он устремился, следуя выработанной им *двуединой стратегии*. *Первая часть стратегии состояла в том, чтобы выйти за пределы региона*, подобно тому, как это сделал Израиль, – тоже маленькое государство, окруженное враждебным арабским миром, – начавший торговать со странами Европы и Америкой. И Сингапур жил в окружении недостаточно дружелюбных исламских государств. Так, еще до начала глобализации Сингапур начал использовать в своих государственных интересах мировые возможности и связи, сочетая их с неподкупным патриотизмом и демократией, ценность которой нельзя было поколебать. *Вторая часть стратегии была направлена на создание оазиса «первого*

мира» в регионе «третьего мира». Сингапур стремился выйти на уровень стандартов жизни, безопасности, здравоохранения, образования, транспорта, сервиса, присущих странам «первого» мира. И это были смелые планы в очень отсталой стране.

Когда Ли Куан Ю в 1970-х годах стал осуществлять социальные проекты переселения горожан в индивидуальные дома, а жителей сел – в многоквартирные, ситуация, по описаниям самого премьера, была следующей: «Приспособление к новым условиям давалось нелегко и зачастую вело к комичным, даже абсурдным результатам. Несколько фермеров, разводивших свиней, не могли расстаться со своими животными и забрали их в многоэтажные дома. Надо было видеть, как некоторые из них гоняли свиней по лестницам многоэтажных зданий. Одна семья, в которой насчитывалось 12 детей, переезжая из хижины в новую квартиру... на Олд Эйрпорт роуд... взяла с собой десяток кур и уток, чтобы держать их на кухне...

Малайцы предпочитали жить поближе к земле. Они разводили овощи вокруг многоэтажных домов – как привыкли в своих деревнях. На протяжении еще долгого времени многие китайцы, малайцы и индусы не пользовались лифтами, а ходили по лестницам, и не из желания поразмяться, а из боязни лифтов. Находились люди, которые пользовались керосиновыми лампами вместо электрического света; другие продолжали заниматься своим старым бизнесом, продавая сигареты, сладости и всякую мелочь из окон квартир первого этажа, выходящих на улицу. Все эти люди страдали от культурного шока» [Ли Куан Ю, 2010, с. 59].

Несмотря на эти начальные условия, правительство Сингапура привлекало иностранных инвесторов отсутствием налогов на пять лет. Англичане, голландцы, французы, позже американцы приехали в страну и стали инвестировать не в традиционные отрасли, а в электронный и прочий высокотехнологичный бизнес. Сюда приезжал, например, Б. Хьюлетт из компании «Хьюлетт – Паккард», который нашел условия инвестирования, в частности пятилетний мораторий на налоги, а также местоположение Сингапура чрезвычайно выгодными для себя. Бывшие колониальные державы, например Великобритания, имевшая прежде военноморскую базу в Сингапуре, отступали, и постколониальная эпоха заполнялась новыми игроками с Запада. Сингапурцы умели рабо-

тать, и это стало одной из важных причин подъема Сингапура. Тайвань и Гонконг были расположены близко к Китаю, в котором происходила культурная революция, и инвесторы предпочли Сингапур. В 1970-е годы о промышленных и финансовых успехах Сингапура уже писали американские газеты. Сегодня Сингапур – высокоразвитая в технологическом отношении страна, знаменитая электроникой, сталелитейным производством, химией и нефтехимией, добывающая особое – красное – золото, центр морской логистики, образования и пр. Сингапур одновременно с этим формировался как финансовый центр. Из-за разницы во времени он быстро стал важным звеном глобального круглосуточного банковского обслуживания «США – Сингапур – Европа».

Поскольку в профсоюзах Сингапура было много коммунистов, профсоюзы обостряли классовые отношения в стране. Назвав свое правительство первым социал-демократическим правительством в Юго-Восточной Азии, Ли Куан Ю добился вывода коммунистов из профсоюзной организации Сингапура, и профсоюзы оказались на стороне правительства. Начал формироваться традиционный социал-демократический контракт между предпринимателями, рабочими и государством, направленный на достижение классового сотрудничества.

Социал-демократическая программа в Сингапуре состояла не в том, чтобы организовать потерпевшее на Западе крах государство «всеобщего благоденствия», а в том, чтобы создать справедливое государство, в котором перераспределение общественного богатства осуществляется не посредством субсидирования потребления, а путем накопления собственности. «Даже те, кто не смог завоевать высших наград в рыночной конкуренции, все-таки получали достаточно ценные подарки за участие в жизненном марафоне. Тот, кто хотел потратить накопленные средства, мог продать активы, которыми он владел. Примечательно, что таких людей было немного. Вместо этого люди предпочитали инвестировать и увеличивать стоимость своих активов, используя на потребление только полученный с них доход. Они хотели сохранить свой капитал на “черный день”, а впоследствии оставить его своим детям и внукам», – пишет Ли Куан Ю [Ли Куан Ю, 2010, с. 66]. Если жители Гонконга, Токио и других стран Азии получают высокую зарплату и живут в маленьких комнатухах, за которые они пла-

тят большие деньги, то жители Сингапура живут в хороших квартирах, постепенно переходящих в их собственность, и платят за них много меньше.

Особые заслуги Сингапура заключаются в минимальном уровне коррупции, достигнутом суровыми мерами. Ли Куан Ю провозгласил «чистые руки» власти, неумолимость наказания и воспитание в духе отвращения к коррупции. Он приводит в своей книге пример, когда известный архитектор, желая избежать огласки своих коррупционных действий, отравился из-за стыда, который он испытывал перед людьми. «Необходимым предварительным условием для существования честного правительства является то, что кандидатам на правительственные посты не требуются большие деньги, чтобы добиться избрания, иначе они приводят в действие порочный круг коррупции... Бывший государственный министр Таиланда назвал такую систему “коммерческой демократией”... а избранников – “купленными мандатами”. В Малайзии... называют эту систему “денежной политикой”», – пишет Ли Куан Ю [Ли Куан Ю, 2010, с. 101]. Наличие в Азии коррупции, взяточничества, кумовства, nepотизма западными критиками воспринималось как общий недостаток азиатских ценностей. По этому поводу Ли Куан Ю заявил: «В Азии есть много различных систем ценностей: индуистская, мусульманская, буддистская, конфуцианская, – я могу дискутировать только по поводу последней. Коррупция и кумовство не входят в конфуцианскую систему моральных ценностей. Наличие обязательств конфуцианского джентльмена по отношению к семье и к друзьям подразумевает, что он помогает им, используя свои личные, а не общественные средства» [Ли Куан Ю, 2010, с. 267]. Это верно лишь в определенной степени, так как прежний Сингапур в иных социально-политических условиях не мог довольствоваться таким замечательным принципом для избегания коррупции, и другие китайские сообщества при наличии такой специфической ценности не застрахованы от коррупции.

Ли Куан Ю описывает трудности при формировании правительства накануне его ухода. Только длительная ориентация на рекрутирование талантливых элит, а не угодных выдвигенцев позволила сделать задуманное, обеспечить будущее, о котором он пишет: «Будущее является столь же многообещающим, сколь и неопределенным. Индустриальное общество уступает место обще-

ству, основанному на знаниях, новая линия раздела пройдет в мире между теми, кто обладает знаниями, и теми, у кого их нет. Мы должны учиться и стать частью мира, основанного на знаниях. То, что мы преуспевали на протяжении последних трех десятилетий, не гарантирует, что так будет продолжаться и впредь. Тем не менее наши шансы не потерпеть неудачу будут лучше, если мы будем придерживаться тех основных принципов, которые помогли нам преуспеть. Это – общественное согласие, достигаемое путем справедливого распределения плодов прогресса. Это – равные возможности для всех. Это – система продвижения по заслугам, при которой лучшее место занимает наиболее достойный. Последнее особенно важно, когда речь идет о людях, возглавляющих правительство» [Ли Куан Ю, 2010, с. 413].

**Ничего, кроме любви к своему народу:
Модернизация доступа отсталого малайского
населения к общественным богатствам страны**

Как описал Ли Куан Ю, «в своей речи перед партийными делегатами в октябре 1996 г. премьер-министр (Малайзии. – В.Ф.) доктор Махатхир Мохамад отметил, что некоторые депутаты, стремившиеся попасть на высокие должности, “предлагали взятки делегатам” в обмен на голоса. Доктор Махатхир выразил сожаление по поводу существования “денежной политики” и даже расплакался, убеждая делегатов партии “не позволить взяточничеству разрушить малайскую расу, религию и нацию”» [Ли Куан Ю, 2010, с. 101].

В 1953 г. Махатхир окончил медицинский факультет в университете Сингапура, после чего вел медицинскую практику. В 1964 г. стал членом парламента, защищая права и интересы малайцев. В 1969 г. написал открытое письмо премьер-министру страны, обвинив его в отсутствии внимания к нуждам коренного населения Малайзии. Подвергся опале. Во время перерыва в политической деятельности написал знаменитую книгу «Малайская дилемма». В 1974 г. он вновь становится членом парламента и получает портфель министра образования. С 1981 г. – премьер-министр Малайзии.

Результат его деятельности – превращение Малайзии в современное государство с высокоразвитой экономикой, успешной и независимой внутренней и внешней политикой, поддержанием национальных ценностей. Этому предшествовали два десятилетия реформ, направленных на увеличение роли малайской части населения в обществе, и прежде всего – в экономике. За двадцать лет (1971–1990) в Малайзии была успешно проведена Новая экономическая политика и за десять лет (1991–2000) – Национальная политика развития. Сегодня действует стратегия превращения Малайзии в высокотехнологичное государство к 2020 г. Ли Куан Ю не всегда был согласен с Махатхиром, но признавал его выдающееся значение, его решительность, позволявшую преодолевать предрассудки масс в интересах страны. Махатхир, по его мнению, обратил малайцев от мракобесия к науке и технологии, к применению компьютеров и Интернета, к образованию, открыл им видение будущего. Большинство малайцев, все китайцы и индусы Малайзии хотят именно такого будущего, а не возврата к исламскому экстремизму, подчеркивает Ли Куан Ю. На эту оценку ссылаются авторы предисловия к книге Махатхира «Путь вперед» [Махатхир, 2003]. Здесь же говорится, что его книга – о любви к своему народу: «...книга представляет собой своеобразный отчет автора о работе, проделанной в период до 1997 г. по строительству современной Малайзии. Она рассказывает о многогранной и плодотворной деятельности руководства страны по экономической, социальной, культурной и этнической трансформации бывшей отсталой колонии, производившей, в основном, пальмовое масло и оловянную руду, в одного из “азиатских тигров”, – страну с динамично развивающейся современной экономикой, социальной сферой и культурой» [Махатхир, 2003]. Эти преобразования в итоге оказались столь успешными, что в Англии стала издаваться серия книг «Routledge Malaysian studies series». Но этому предшествовали годы мучительных действий правительства, нередко совершаемых методом проб и ошибок.

Суть книги Махатхира «Путь вперед» определяется в предисловии одним словом – «любовь» – любовь к своему народу.

В 1969 г. в Малайзии, в ее столице Куала-Лумпуре вспыхнули ожесточенные межэтнические столкновения между китайцами и малайцами. Коренное население страны с момента получения Ма-

лайзией независимости в 1957 г. не продвинулось в своем развитии, было наиболее отсталым и занимало нижайшее место в экономике. Здесь лидировали китайцы, более успешными, чем малайцы, были и индусы. Сами малайцы отрицали за собой способность к коммерции, занимались сельским хозяйством или уличной торговлей, не знали иных функций денег, кроме обращения. Экономика Малайзии росла, но малайцы в этом мало участвовали и не получали плодов от экономического развития.

В качестве реакции на межэтнические столкновения, вызванные неравномерностью развития рас, Национальный совещательный совет Малайзии начал подготавливать рассчитанную на 20 лет Новую экономическую политику (НЭП) для реструктуризации экономики и достижения более равномерного распределения национального богатства. Ее целью провозглашалось привлечение малайцев к экономической деятельности. Совет состоял из представителей всех рас. Это было сделано для того, чтобы обеспечить повышение жизненного уровня малайцев без его снижения у других рас, не допустить экспроприацию собственности у китайцев и индусов. Новая экономическая политика была начата в 1971 г.

Правительство пыталось повысить уровень жизни малайцев, занимавшихся сельскохозяйственным трудом, путем выделения им земельных участков. Но земли не хватало. К тому же сельское хозяйство не позволяло малайцам достигнуть уровня жизни и квалификации других этнических групп.

Махатхир взял на вооружение метод, который незадолго до этих событий был внедрен в США и еще не использовался другими странами, – метод «позитивной дискриминации». Это был способ защиты афроамериканского и испаноговорящего населения США с помощью аффирмативных акций, которые частично ущемляли интересы более успешной части населения. Данный тип помощи был введен Л. Джонсоном в 1965 г., но о нем еще мало знали.

При реструктуризации общества с целью достижения равенства и справедливости Махатхир отрицал опыт как развитого капитализма, так и социализма. Малайцы составляли 56% населения, а их доля в национальном богатстве страны – 2,4%, но должна была увеличиться лишь до 30%. В то же самое время доля немалайцев должна была вырасти с 34,3 до 40%, а доля иностранцев – уменьшиться с 63,3 до 30%. Чтобы вступить в экономику иного

типа, малайцы должны были получить образование, заняться бизнесом, в том числе – крупным.

«Будучи на грани отчаяния, – писал Махатхир, – правительство решило учредить компании, находившиеся в государственной собственности, с тем чтобы проложить дорогу в те сферы бизнеса, для работы в которых малайцам не хватало капитала и знаний. Правительствам всех штатов было предписано создать Государственные корпорации экономического развития (ГКЭР)... В свою очередь, эти корпорации учредили компании, которым был предоставлен статус компаний, принадлежавших малайцам. Эти компании занимались различными видами бизнеса. Они получили право заниматься разработкой государственных природных ресурсов: заготовкой древесины и добычей полезных ископаемых. Несмотря на то что создание ГКЭР способствовало повышению доли малайцев в национальном богатстве страны, они зачастую были нерентабельны. В то же время им зачастую приходилось конкурировать не только с бизнесменами-немалайцами, но и с горсткой способных индивидуальных предпринимателей-малайцев, которые также стремились работать в этой сфере экономики» [Махатхир, 2003]. НЭП не проводила экспроприации собственности немалайцев, а перераспределение национального богатства происходило из-за того, что увеличивался сам «экономический пирог». И надо было заботиться, чтобы его раздел шел с учетом экономической отсталости малайцев и стремления преодолеть ее. Правительство старалось пресечь действия тех малайцев, кто, не понимая в коммерции, спекулировал своими акциями, которые могли им принести несравненно больший, чем продажа, доход.

В 1977 г., пытаясь распределить акции компаний среди малайцев и предотвратить переход этих акций в руки немалайцев, правительство решило создать инвестиционные фонды. В марте 1978 г. была создана Национальная акционерная корпорация с выплаченным правительством капиталом в размере 3 млрд. ринггитов. Портфели акций помещались в открытый Национальный инвестиционный фонд, акции которого продавались малайцам. Цена акций этого фонда была фиксированной – 1 ринггит за акцию.

Успех в перераспределении национального богатства в пользу коренных жителей был феноменальным. К концу 1990 г. почти 5,1 млн. малайцев приобрели акции. Участие малайцев в экономике

страны стало более широким и равномерным. Малайцы не стали богатыми, но и большинство немалайцев не были таковыми. Однако инвестиционный фонд позволил большему числу людей получить долю в национальном богатстве страны и повысить доходы. НЭП не ставила задачу полностью изменить пропорции в распределении богатства между представителями различных этнических групп, а лишь более равномерно распределить богатства между различными общинами, с тем чтобы пропорции между бедными и богатыми малайцами были примерно такими же, как и у немалайцев [Махатхир, 2003].

Формирование малайского делового сообщества медленно, но все же происходило. Желая его ускорить, правительство изменило стратегию. Это было связано с классовыми конфликтами среди малайцев. Было невозможно увеличивать собственность малайцев-предпринимателей и игнорировать рабочих, как малайцев, так и немалайцев. Один из эпитафов в книге Махатхира – слова Аристотеля о том, что в обществах, сильно поляризованных на бедных и богатых, возникает либо крайность демократии, либо крайность олигархии, чем обычно пользуются диктатуры.

Иностранным инвесторам разрешалось единолично владеть компаниями, эта мера увеличила приток инвестиций, стимулировала создание новых рабочих мест, уменьшила безработицу. В страну приехали около 1 млн. иностранных рабочих с целью трудоустройства. Смена курса была не следствием ошибок, а результатом появления новых болезней роста экономики. На повестку дня встал вопрос о развитии инфраструктуры. Стали строиться дороги, аэропорты, порты, электростанции, системы телекоммуникаций и водоснабжения, которые должны были поспевать за нуждами развития экономики и государства в целом. Повышение уровня жизни населения Малайзии способствовало росту его запросов.

С осторожностью была проведена первая крупная приватизация Департамента телекоммуникаций (который стал компанией «Телеком Мэлэйжиа»), увеличившая доходы работников компании. В ходе дальнейшей приватизации удавалось выделить малайцам доли в собственности компаний. Уже возникли малайские компании, предприниматели и руководители-малайцы, вводились меры против расовой монополии на отдельные виды экономической

деятельности. При стратегии приватизации обеспечивалось представительство всех этнических групп во всех сферах экономики.

Политический союз малайской, китайской и индийской партий был хрупким, готовым к развалу и конфронтациям. Была опасность военного переворота, но он не произошел. НЭП ликвидировала экономические причины расовых столкновений в малайзийском обществе. Однако малайцы получили в результате НЭПа не 30, а 20% в сфере крупного бизнеса. Но политика национального развития с 1987 по 1996 г. обеспечила средние темпы роста экономики Малайзии до 8%. «Позитивная дискриминация» в пользу малайцев оказалась полезной всем. Махатхир написал: «Мы в Малайзии считаем, что обездоленные заслуживают особого отношения. Мало сделать правила игры одинаковыми для всех – надо еще добиться, чтобы игроки были под стать друг другу. Если игроки не равны, следует дать фору в виде дискриминации в пользу слабых за счет сильных игроков, обладающих преимуществом. Рассуждая о справедливости, мы в Малайзии принимаем во внимание и смягчающие обстоятельства. Важно не слепо следовать принципу, а применять его, отдавая себе отчет в том, что его воплощение в жизнь может привести к тем самым результатам, которые применение этого принципа должно предотвращать» [Махатхир, 2003].

Чтобы увеличить долю малайцев в национальном богатстве страны до 30%, необходимо было обеспечить более высокие темпы роста именно той части экономики, которая принадлежала малайцам, сочетать экономическую политику с социальной. Выплата пособий по безработице подрывала уважение к труду и все меры по увеличению рабочих мест, считал Махатхир.

Были осуществлены перемены в сфере культуры, в системе ценностей, которую выработала та или иная группа людей. Те народы, чья культура совместима с преуспеванием, добьются успеха, а те народы, чья культура несовместима с преуспеванием, – нет, утверждал Махатхир. Ему удалось изменить культуру малайского народа благодаря честности его политики и аффирмативным акциям в отношении необойденности малайцев в ходе модернизации. Рекультуризация – это не навязывание массам новой идеологии, как произошло в России, а создание условий для новых практик. «Именно культура людей, корни которой уходят в систему ценностей представителей той или иной общины, является наиболее

важным фактором, определяющим их достижения в любой сфере человеческой деятельности. Нельзя ожидать от культурно неразвитых и отсталых в коммерческом отношении крестьян и мелких торговцев, чтобы они добились успеха в сфере коммерции и промышленности только потому, что им предоставлена возможность заниматься этими видами деятельности. Чтобы успешно воплотить в жизнь НЭП, было необходимо, чтобы крестьяне и мелкие торговцы-малайцы усвоили систему ценностей делового сообщества, поднялись до уровня промышленников и коммерсантов в культурном плане» [Махатхир, 2003].

Культурная трансформация малайцев сделала их весьма отличными от предков, но позволила сохранить свою культуру. Они изменились в сфере деловой культуры, стали другими людьми, прежде всего, приобрели уверенность в себе.

«Культурные изменения не всегда являются переменами к лучшему, они могут быть и переменами к худшему. Перемены к лучшему также могут сопровождаться негативными последствиями. Например, культура, отвечающая запросам крупного бизнеса, может быть присуща и преступным организациям. Такая культура может включать крайние проявления материализма, жадности, уживаться с крупномасштабным мошенничеством», – писал Махатхир [Махатхир, 2003].

Изменения в Малайзии были постепенными, хорошо продуманными. Смена системы общественных ценностей оказалась обеспечена успешной реализацией НЭПа, а не подверглась разрушению НЭПом, как предполагали многие. В России этого не понимают, идет постоянная политизация, а не изменение хозяйственной культуры в реальных практиках. Культура крестьян и мелких торговцев преобразовалась в культуру коммерческого и индустриального общества. Перемены оказались возможными и особенно проявились во втором поколении малайцев – образованных и не связанных с крестьянским трудом или мелкой торговлей. «Важно, – говорит Махатхир, – что удалось продемонстрировать, что те ценности, которые исторически составляли основу малайской культуры, не являлись ни врожденными, ни вечными» [Махатхир, 2003].

Теорема Томаса китайской модернизации

Мы увидели, как удалось отсталым Сингапуру и Малайзии превратить свою слабость в силу и стать успешными, безопасными и некоррупцированными странами Азии. Их ситуации напоминают о теореме социолога У. Томаса: «Если нечто принято за реальность, оно реально в своих последствиях». Сингапур задал свою реальность и оказался способен следовать новому замыслу. Малайзия действовала на основе амбициозных модернизационных проектов. У Китая другие пути модернизации, но и там действует теорема Томаса.

Что у нас принято за реальность по отношению к будущему всей России, к итогу и целям ее объявленной сверху модернизации, мы не знаем. Модернизация в России рассматривается скорее в повседневном значении – как улучшение, усовершенствование. Слова «культура», «общество» звучат в рассуждениях и действиях, направленных на модернизацию как некоторая запрашиваемая населением добавка. Не учтены на практике результаты изучения историй модернизаций разных стран и теорий модернизации, преобладает апологетика догоняющей Запад модернизации, отвергнутой сегодня в мире, доктрина экономического роста, к которой нельзя свести модернизацию. Отсутствуют региональные проекты модернизации, нет осмысления задач российского развития и места страны в мире, нет ежегодных докладов о модернизации, которые имеются в Китае.

В связи с этим представляет огромный интерес осуществленное издательством «Весь Мир» издание книги «Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010)» (под ред. Хэ Чуаньци. Отв. ред. русского издания член.-кор. РАН Н.И. Лапин. М., Весь Мир, 2011). Теоретическое введение и десять теоретически обоснованных ежегодных докладов характеризуют специфику китайской модернизации как не догоняющей Запад, но заимствующей позитивный опыт Запада и не-Запада, ориентируясь на четко артикулированное понимание национальных интересов. Эта модель может быть названа национальной [см.: Федотова, 2010]. *Методология китайских реформ – постепенность и учет национальных условий.* Это – «золотое правило реформ», отличающее их

от революций: согласовать скорость реформ со способностью людей адаптироваться к ним.

Что же принято за реальность в мышлении китайских реформаторов? В одном из докладов утверждается: «Оценить благополучие эпохи возможно, только находясь в ее авангарде. Главные возможности, открываемые эпохой, удается ясно осознать, только двигаясь с опережением. Даже великая нация может начать двигаться в сторону упадка, если она не способна воспользоваться такими возможностями. Цивилизованная нация может деградировать, если она не способна сама сознавать возможности, предоставленные временем. Экономика знания (основанная на знаниях) и модернизация представляют собой одно из главных направлений движения мира в XXI в.» [Обзорный... 2011, с. 84]. Китай стремится к 2050 г. достичь среднеразвитого уровня, а к концу XXI в. войти в десятку самых развитых стран. Если это принято за реальность, то может стать реальным в своих последствиях.

О перспективах Китая говорил еще А. Смит. Он считал рынок Англии маленьким, а Китая – большим. Поэтому рынку Англии нужны были машины, а Китай обладал (и обладает) более человекоемким рынком. Смит верил, что Китай еще скажет свое слово.

Период перехода Китая к современности, его интенсивной модернизации в научной литературе относят к первой половине XX в. – 1900–1950 гг. Это время становления современности в Китае. Китайское государство этого периода рассматривается как субъект линейного развития страны, многотысячелетней истории Китая, в ходе которой формировалась специфическая «китайскость» или китайская идентичность. В 1928–1937 гг. Китай повернул к индустриализации, которая в настоящее время ускоренно возобновлена как мегаиндустриализация, охватывающая небольшие города и сельскую местность вдоль береговой линии. Эта политика сегодня обостряет противоречие между территорией и населением, создавая внутренние миграционные потоки из крупных городов, где высока безработица, в индустриальные районы, где мигранты испытывают немалые трудности [Resurgent China... 2009, p. 7].

Представляет интерес концепция Л. Ли, который, вопреки принятому рассмотрению модернизации незападных стран как осуществляемой посредством мобилизации масс элитами или вследст-

вие революции, убедительно, как представляется, доказывает неполитический характер китайской модернизации этого периода [Lee Leo On-fan, 2000]. Модернизация началась, по его мнению, не в Пекине – городе старинных нравов, а в Шанхае. Именно здесь была выработана «новая система интеллектуальной категоризации», произошла «рекатегоризация знания» и получены его новые основания. Ответственный редактор книги, суммируя идеи Ли, отмечает следующие черты специфики шанхайской модернизации:

- наличие городской культуры, способной соответствовать рынку;
- продолжение китайского прошлого;
- новые формы материальной культуры: утилитаризм вместо принятой на Западе рациональности науки и технологии;
- новые формы демаркации пространства, времени, частного и публичного, вызванные коммерциализацией культуры потребления.

По мнению автора введения к названной книге, имплицитным в концепции Ли «является аргумент, что современность (первой половины прошлого века. – *В.Ф.*) осуществляется скорее через бизнес, а не посредством политики, через достижение лучшей жизни, а не справедливого общества, через трансформирующую силу частного предпринимательства, чем через коллективные акции. Современность возникла, не порывая с прошлым, без мобилизации масс в политические движения (как это было в незападных странах при догоняющих Западом модернизациях. – *В.Ф.*), а как сумма повседневных практик обычных людей, занятых бизнесом, изданиями, чтениями, рекламой, потреблением и т.д. Современность была скорее материальной трансформацией повседневной жизни для сотен и тысяч людей, чем организованная элитами модернизация для хороших целей» [Lee Leo On-fan, 2000, p. 7].

Доклады о китайской модернизации подтверждают верность этой традиции – не порывая с прошлым, как в России, и руководствуясь китайской идентичностью, осуществлять новый виток модернизации не на основе политических реформ, а на основе изменений в хозяйственной жизни (заметим в скобках, что Ли Куан Ю так описывает свою встречу с М.С. Горбачёвым и впечатления от его реформ: «У Горбачёва не было уверенности в том, какие шаги следовало предпринять, чтобы решить почти неразрешимые проблемы. Я подумал, что он совершил фатальную ошибку, начав

кампанию гласности до перестройки экономики, и что Дэн Сяопин проявил куда большую мудрость, поступив в Китае наоборот» [Ли Куан Ю, 2010, с. 287]. Примерно так думает сегодня и близкий к Горбачёву человек – В. Кувалдин. В российском обществе все отчетливее звучит идея о том, что формирование хозяйствующего субъекта должно предшествовать эволюции политических отношений.

Жизнь в Китае быстро меняется. Примером роста консьюмеризма, не присущего прежде китайскому обществу, предпочитавшему накопление, может стать недавний случай глубокого возмущения китайцев, простоявших дни и ночи в очереди за новым айфоном фирмы «Эппл» и не получивших его из-за того, что магазин не открыли, боясь натиска толпы.

Профессор Йельского университета И. Селеньи, не поддерживая политическую оболочку китайской экономики и способ хозяйствования, что характерно для западной науки, говорит о «капитализме снизу» в Восточной Азии. Действительно, благодаря хозяйственным навыкам жители Китая становятся активными предпринимателями. «Государство играет очень важную роль в создании, регулировании и в дирижировании капиталистической экономикой» [Селеньи, 2006, с. 98], но мотор модернизации – само население. «Капитализм сверху» – это посткоммунистические страны Восточной Европы и Россия. Здесь произошел ускоренный переход к капитализму. Время мобилизаций закончилось. Пожалуй, цель государства сегодня – создать образ будущего. В России была попытка сделать то, что китайцы совершили за 25 лет, – но без хозяйственной активности масс и без образа будущего. «Капитализм извне» строится иностранным капиталом, транснациональными корпорациями. Сюда Селеньи относит страны Балтии, Венгрию, Чешскую Республику. Здесь строится либеральный капитализм, но велика зависимость от Запада.

На вопрос, что же получится в результате китайской модернизации – социализм или капитализм, наилучший ответ дал Дж. Арриги в своей книге «Адам Смит в Пекине». Он выделяет капиталистический путь развития, характерный для Запада, и некапиталистический рыночный путь развития в Китае, который идейно обосновал еще А. Смит. Некапиталистическое рыночное развитие было в Китае в XVII в., оно же реализуется здесь сегодня, утверждает Арриги. Автор говорит, что если Китай не построит

капитализм, это не будет означать, что он построил социализм. Так же верно и обратное: если Китай не построит социализм, это не будет означать, что он построит капитализм [Арриги, 2009]. Не исключено, что именно здесь произойдет рекатегоризация привычных понятий, о которой упоминает Ли, и термин «капитализм», введенный В. Зомбартом в 1902 г., исчезнет, как и предложенный гораздо ранее термин «социализм».

Представленной в Обзорном докладе концепции китайской модернизации предшествует обсуждение модернизационных теорий и историй протекания модернизации в 131 стране мира, рассматривается соотношение между человеческой цивилизацией и модернизацией как важным фактором цивилизационных изменений. Профессор Хэ Чуаньци выделяет *первичную и вторичную модернизации*. Первичная модернизация характеризуется индустриализацией, вторичная – переходом к информационному, постиндустриальному обществу. И наконец, есть стадия интегральной модернизации, которая координирует задачи первичной и вторичной модернизаций. Признавая временную последовательность первичной и вторичной модернизаций, он считает важной для Китая интегральную модернизацию, совмещающую обе задачи: «Интегрированная модернизация понимается как совокупное состояние двух ее стадий, фиксирующее состояние их взаимной координации в данной стране (или регионе) и отличие от передового мирового уровня такой координации» [Лапин, Тосунян, 2011, с. 9]. В докладах присутствуют показатели, которые дают основания как для модернизационных преобразований, так и для оценки их успешности.

Подобно броделевскому «Средиземноморью», «река Янцзы» в рассматриваемых докладах выступает символом китайской идентичности и китайской цивилизации, ее главной артерией, а успехи модернизации ориентированы на ее символический образ. В докладах экономическая модернизация не занимает первого места – исключительное внимание, особенно в последнем докладе, уделяется социальному, культурному, человеческому, символическому потенциалу.

Если уже в первой половине XX в. культура Китая, в том числе и ее способность открыться другим культурам, рассматривалась как важнейший фактор модернизации, то в России только после неудачи реформ 1990-х согласились со значением культуры,

которое упорно отвергалось в ходе реформирования. Положительное значение нашей неудачи для нас самих и для мира в целом состоит в том, что «культура имеет значение» [Культура... 2002].

В китайских докладах о модернизации глубокому анализу подвергнуты международные и региональные разрывы в уровнях модернизации, которые оцениваются предлагаемыми индексами. Характеризуются уровни модернизации развитых, среднеразвитых стран, Китая, уровень модернизации которого объективно ниже среднеразвитого. Так, в 2006 г. индекс первичной модернизации в Китае составлял 87%, индекс вторичной модернизации равнялся 40% (70-е место из 131 страны), а интегрированный индекс модернизации – 38% (75-е место их 131 страны) [Обзорный... 2011, с. 57]. Разработаны методы и индексы всемирной модернизации, характеризующие оценки степени модернизации разных стран мира.

В поле зрения китайских ученых оказались большинство теорий модернизации и истории модернизаций многих стран, теории и история модернизации Китая и его регионов. Так, авторы цитируют девять черт модернизации из работ Хантингтона, их интересуют постмодернизация, теории вторичной модернизации. Данный порядок изложения свидетельствует о том, что происходит и определенная смена теорий. Классическая теория модернизации предшествовала другим. Теории постмодернизации сменились теориями вторичной модернизации. В нашем понимании постмодернизм был выражением кризиса второго модерна в 1970-е годы, который был преодолен переходом к третьему модерну – Новому времени для незападных стран, ознаменовавшемуся их вступлением в активную модернизацию [См.: Федотова, Колпаков, Федотова, 2008, с. 520–564]. Меняются и концепции прогресса, конкретным воплощением которых является модернизация.

Несмотря на то что сама идея прогресса сегодня поставлена под вопрос в ряде концепций, прогресс Китая и, отчасти, Индии вносит перемены в теоретические позиции тех, кто привык связывать прогресс исключительно с развитием Запада. Понятие прогресса вообще утвердилось как производное от западной концепции поступательного развития. Прогресс предполагает развитие разума и свободы, производства и материальных ресурсов. Но сегодня прогресс обретает цивилизационную размерность, которая

отвергает единый образец и универсализацию чьего бы то ни было опыта, включая западный.

В цивилизационных концепциях сегодня представлена критика линейного развития. Прогресс утратил линейность форм и начинает свое существование в рамках цивилизаций и наций, производя общие и отличающиеся черты. Такое развитие – расставание с привычным.

Идея прогресса на Западе остается идеей его собственной цивилизации. Но именно она, распространившись, породила разнообразие вариантов прогресса. И чтобы сегодня идея прогресса западной цивилизации не становилась дубиной, которая поднимает обойденные историей низы, Запад вынужден будет признать другие виды рациональности и соответствующие им политические устройства. Однако освоение западных идей и технологий, рациональности и политического устройства не прекратится, а будет продолжаться сообразно собственным потребностям цивилизаций и народов. В цивилизационных концепциях представлена критика линейного развития. Срок жизни цивилизаций может быть долгим, но не вечным.

Русский историк Н.Я. Данилевский в свое время усматривал один из законов развития культурно-исторических типов (цивилизаций) в том, что рано или поздно наступает период истощения сил цивилизаций, и их новая жизнь не возобновляется. «Под периодом цивилизации разумею я время, – писал Данилевский, – в течение которого народы, составляющие тип (культурно-исторический тип. – *Авт.*), вышедшие из бессознательной чисто этнографической формы быта... создав, укрепив и оградив свое внешнее существование как самобытных политических единиц... проявляют преимущественно свою духовную деятельность во всех тех направлениях, для которых есть залогов в их духовной природе не только в отношении науки и искусства, но и в практическом осуществлении своих идеалов правды, свободы, общественного благоустройства и личного благосостояния. Оканчивается же этот период тем временем, когда иссякает творческая деятельность в народах известного типа: они или успокаиваются на достигнутом ими, считая завет старины вечным идеалом для будущего, и дряхлеют в *апатии самодовольства* (как, например, Китай), или достигают неразрешимых с их точки зрения антиномий, противоречий,

доказывающих, что их идеал (как, впрочем, все человеческое) был неполон, односторонен, ошибочен, или что неблагоприятные внешние обстоятельства отклонили его развитие от прямого пути – в этом случае наступает разочарование, и народы впадают в *апатию отчаяния*» [Данилевский, 1991, с. 106].

Сегодня мысли, высказанные Данилевским, помогают более верно оценить пережитую нами фазу крушения до сих пор не вполне сформировавшегося славянского культурно-исторического типа и осознать, почему в результате «апатии самодовольства» и последующего поражения Россия оказалась обреченной на период отчаяния или безразличия. Но вот положение в сегодняшнем Китае, который миновал эти фазы, не соответствует тому, о чем писал Данилевский. Китай внушает оптимизм, поскольку, как показала практика, циклы могут существовать и внутри самой цивилизации, и она способна возродить восходящую ветвь своего развития.

Прогресс утратил линейность форм и все чаще достигается в рамках отдельных цивилизаций и наций, всякий раз проявляя специфические особенности. Такой прогресс оказывается лучше и надежнее движения восставших низов общества, которое сулит лишь возникновение новых проблем и катаклизмов. Конечно, подобное развитие предполагает расставание с привычными представлениями, а потому пугает. Но посмотрим, какой оптимизм оно вселяло в Данилевского, давшего адекватное сегодняшней реальности понимание прогресса: «Прогресс... состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился). А в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях» [Данилевский, 1991, с. 109]. По его убеждению, каждый культурно-исторический тип – народы, поднявшиеся до возможности влиять на всемирную историю, – вносит свой вклад в реализацию прогресса.

Вдовствующая императрица Ци Си в конце XIX в. отказывалась покупать автомобиль, так как в автомобиле шофер будет сидеть впереди нее, чего не допускала китайская иерархия. В этом смысле китайское общество стало более демократичным, горизонтальная и вертикальная мобильность формирует его новую конфигурацию и его стратификацию.

Почему то, что получилось в Китае – гигантский рост экономики, улучшение жизни людей, одновременное решение задач индустриализации и развития постиндустриальных форм «экономики знания», – не получилось пока в России? Одни объясняют это большим количеством дешевой рабочей силы, другие – исключительно трудолюбием китайцев, третьи – особыми чертами их национального характера, их менталитета. Но главное в том, что они не утратили самоуважения за долгие годы неудач.

Дальнейший прогресс Индии и Китая упирается в проблему равномерного распределения ресурсов и ставит весь мир перед новыми социальными вызовами. Тон публикаций, посвященных Китаю, постепенно меняется. Автор продержавшейся целый год в качестве бестселлера книги, название которой можно перевести «Китай как корпорация», пишет: «Мир сжимается так же, как Китай растет... Нет страны, которая бы так неожиданно быстро стала восходить по всем ступеням экономического развития... Ни одна страна не потрясла глобальную экономическую иерархию так, как Китай... Сегодня есть две метафоры, обе верные: Китай (впервые. – *В.Ф.*) пьет молоко. А самым высоким центральным нападающим Национальной баскетбольной лиги (NBA) является Яо Минг, китаец» [Fishman, 2005, p. 1–2].

В 1776 г. Адам Смит написал в своем знаменитом труде о богатстве народов: «Владелец земли по необходимости является гражданином страны, где расположено его имение... Владелец акций является гражданином мира и вовсе не обязательно привязан к одной из стран» [Smith, 1976, p. 375–376]. Новый способ хозяйствования уже тогда и на базе только английского опыта был понят как мировая система хозяйства.

Китай устремлен в будущее и понимает свою роль в нем. В то время, когда глобализация представлялась многим победой капитала над национальными интересами незападных стран, Китай стал чемпионом глобальной экономики. Доклад 2010 г. посвящен контурам всемирной модернизации в 1700–2100 гг. Далекое прошлое вместе с далеким будущим составляют основу новой категоризации времени в Китае, обусловленной спецификой их модернизации и создающей эту специфику. В Китае и мире много противоречий, и не все может получиться, но хочется верить, что у страны, мыслящей в таких масштабах времени, многое будет осуществлено.

Итак, мы увидели три примера чрезвычайного подъема с низкого старта. В их основе лежит честность власти и элиты, искренне стремившихся осуществить свои планы и мечты, понимание, что и хорошие намерения могут вести в ад, противостояние неудачам, их открытое признание, отсутствие фальшивых лозунгов типа «Мы дали вам свободу, делайте, что хотите, а не получается – сами виноваты». Лидеры рассматриваемых стран дали дополнительно к свободе условия ее честного использования.

Литература

- Арриги Дж.* Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI в. – М.: Институт общественного проектирования, 2009. – 456 с.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 573 с.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – 320 с.
- Латин Н.И., Тосунян Г.А.* Вступительное слово к русскому изданию // Обзорный доклад о модернизации в мире и в Китае, (2001–2010). – М.: Весь мир, 2011. – С. 7–12.
- Ли Куан Ю.* Сингапурская история: 1965–2000. Из третьего мира – в первый. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 656 с.
- Махатхир М.* Путь вперед. – 2003. – Режим доступа: <http://lib.ru/POLITOLOG/mahathir.txt> (Дата обращения: 10.01.2012.)
- Обзорный доклад о модернизации в мире и в Китае, (2001–2010). – М.: Весь мир, 2011. – 256 с.
- Селеньи И.* Строительство капитализма без капиталистов – три пути перехода от социализма к капитализму: лекция (14.03.2006) // Русские чтения. – М., 2006. – Вып. 3. – С. 95–108.
- Федотова В.Г.* Модернизация: переосмысливая теорию и практику // Социологический ежегодник. – М., 2010. – С. 63–80.
- Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. – М.: Культурная революция, 2008. – 608 с.
- Fishman T.* China, Inc. How the rise of the next superpower challenges America and the World. – N.Y.; L., Toronto; Sydney: Scribner, 2005. – 352 p.

Lee Leo On-fan. The cultural construction of modernity in urban Shonghai. Some preliminary exploration // *Becoming Chinese. Passages to modernity and beyond.* – L.: Univ. of California press, 2000. – P. 31–61.

Resurgent China. Issues for the Future / Ed. by Nazkul Islam. – L.: Palgrave Macmillan, 2009. – 264 p.

Smith A. An inquiry of the nature and cause of the wealth of nation. – Chicago: Chicago univ. press, 1976. – Vol. 2. – 568 p.